

Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам

Резюме. Опираясь на методологию научного познания и фундаментальные положения цивилистики, автор анализирует правовые последствия цифровой трансформации в гражданском обороте и приходит к выводу, что различные цифровые объекты (цифровое право, цифровой рубль, цифровая валюта, криптовалюта, цифровые финансовые активы, искусственный интеллект и его технологии) — идеальные по своей природе инновационные продукты, — благодаря используемому процессором компьютера машинному языку, то есть материальной по своей природе системе знаков, воплощаются в объективной цифровой форме, становясь объектами гражданского оборота. На основе проведенной классификации цифровых объектов рассмотрены их видовые особенности и различия в правовом режиме. Выявлены тенденции развития имущественного оборота, связанного с эффектом мультиплицирования цифровых объектов в условиях трансформации. Проанализированы правовые последствия изменения объективной формы и заменяемости материальных носителей новых цифровых объектов. Отмечено, что проблемно-практические вопросы трансформации взаимосвязи содержания, формы и материального носителя цифровых объектов актуализируют проблему разработки и законодательного закрепления тех правовых конструкций, с помощью которых можно не только устранить пробельность и сложности в регулировании отношений с новыми инновационными продуктами, но и предусмотреть механизм надлежащей правовой охраны цифровых объектов и защиты субъективных прав на них.

Ключевые слова: цифровизация; гражданский оборот; цифровой объект; цифровая форма; материальный носитель; результат интеллектуальной деятельности; искусственный интеллект; цифровые права

Для цитирования: Василевская Л. Ю. Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 9–23. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.009-023

Digitization of Objects of Civil Law Relationships: From Transformation to New Legal Regimes

Lyudmila Yu. Vasilevskaya
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Drawing upon the methodology of scientific inquiry and the foundational tenets of civil law theory, the author explores the legal consequences of digital transformation in the sphere of civil law relationships. The analysis leads to the conclusion that a variety of digital phenomena — including digital rights, the digital ruble, digital currency, cryptocurrency, digital financial assets, artificial intelligence, and associated technologies — constitute, by their essential nature, ideal-type innovative products. Through the use of computer processor-based machine language that represents a materially grounded system of signs these intangible constructs acquire an objective digital embodiment, thereby attaining the status of objects of civil law relationships. Based upon the

proposed classification of digital objects, the author examines typological characteristics and distinctions of such objects in legal regulation. The study further identifies emerging trends in the evolution of property turnover, particularly in relation to the multiplier effect of digital objects under conditions of systemic transformation. The author addresses the legal consequences arising from alterations in the objective form and the interchangeability of the material carriers of new digital objects. The author argues that the theoretical and practical challenges associated with the transformation of the nexus between the content, form, and material substrate of digital objects underscore the necessity for the development and legislative codification of legal constructs capable not only of remedying existing lacunae and complexities in the regulation of relations involving innovative digital products, but also of establishing effective mechanisms for the legal protection of such objects and the enforcement of subjective rights in relation thereto.

Keywords: Digitalization, civil law relationships, digital object, digital form, tangible medium, result of intellectual activity, artificial intelligence, digital rights.

Cite as: Vasilevskaya LYu. Digitization of Objects of Civil Law Relationships: From Transformation to New Legal Regimes. *Lex russica*. 2025;78(9):9-23. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.009-023

Введение

Развитие IT-технологий и цифровизации привело к существенным изменениям, повлекшим процессы трансформации гражданского оборота, связанного не только с динамикой имущественных отношений, но и с появлением новых цифровых объектов, то есть переводом гражданского оборота в цифровой формат. Возникновение и распространение в имущественном обороте таких цифровых объектов, как цифровые права, криптовалюта, цифровые финансовые активы, искусственный интеллект (ИИ), технологии ИИ и пр., породили немало проблем, касающихся как надлежащей правовой квалификации цифровых объектов и установления для них соответствующих юридической природе режимов, так и защиты прав на них в условиях распространения мошенничества в цифровой среде. Поэтому в целях минимизации рисков экзистенциального масштаба, как справедливо отмечает Е. В. Вавилин, важно оперативно сформировать правовую базу для эффективного регулирования отношений по поводу создания и оборота высокотехнологических объектов¹.

Очевидно, не все цифровые объекты можно отнести по установленным в ГК РФ критериям к результатам интеллектуальной деятельности (РИД). Например, цифровые права, цифровой рубль, криптовалюта, цифровые финансовые активы не относятся к РИД, но, являясь идеальными по своей природе инновационными продуктами, созданными человеком посредством кодирования информации в цифровой форме, представляют собой совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе². В отличие от них такие технологические продукты, как ИИ и технологии ИИ, следует отнести к РИД, гражданско-правовая квалификация и правовой режим которых до сих пор не определены в законе³. Правовая характеристика ИИ и технологий ИИ в качестве РИД в новой объективной форме их выражения — цифровой форме — ставит перед цивилистикой ряд концептуальных вопросов, один из которых — выявление специфики цифровой формы РИД и критериев ее отграничения от материального носителя РИД.

Безусловно, технические достижения, связанные с цифровизацией, не означают слома

¹ См.: Вавилин Е. В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов // Проблемы гражданского процесса. 2021. № 6. С. 13–35.

² См. определения понятий цифрового рубля, цифровой валюты и цифрового финансового актива: Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // *Lex russica*. 2023. № 1. С. 12–13 ; Вавилин Е. В. Цифровой рубль: формирование механизма правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 201–206 ; Он же. Принцип сочетания частных и общественных интересов в законодательстве о цифровой валюте // Юрист. 2022. № 9. С. 54–57.

³ См.: Вавилин Е. В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 135–146 ; Он же. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 147–158.

остова существующей правовой системы, но порождают неизбежность трансформации определенных устоявшихся в доктрине воззрений и известных правовых институтов. Применительно к правовой характеристике цифровых объектов гражданского оборота это касается прежде всего объектов интеллектуальной собственности. Здесь уместно напомнить известную позицию Верховного Суда РФ, изложенную в п. 80 постановления Пленума от 23.04.2019 № 10⁴, а именно: пока не доказано иное, предполагается, что РИД созданы творческим трудом. Указанная презумпция не означает, что любой идеальный по своей природе результат, созданный человеком с помощью технических средств, является, например, объектом авторского права. Как отмечалось, такие новые цифровые объекты имущественного оборота, как цифровой рубль, криптовалюта, цифровые права, цифровые финансовые активы, — результат технологической инновации, но не творческого интеллектуального труда человека.

Нетрудно заметить, что общий признак для всех новых цифровых объектов оборота — их объективация в цифровой форме, которая по-разному понимается авторами исследований. Различная правовая квалификация цифровых объектов обуславливает не только их различающийся правовой режим, но и отличия в арсенале средств гражданско-правовой охраны цифровых объектов и способах защиты прав⁵ на них.

Теоретико-методологические проблемы квалификации цифровых объектов в условиях трансформации гражданского оборота

Процессы всеобъемлющей цифровизации привели к тому, что существующий в реальной жизни имущественный оборот стал перемещаться в digital-среду и осуществляться в информационной системе в соответствии с ее правилами. Объектами нового digital-оборота стали не реально существующие вещи, а цифровые объекты, принципиально отличающиеся по своим субстанциональным онтологическим признакам (существование этих объектов не в окружающем нас и независимом от нас мире,

а в digital-среде — оцифрованном субъективном мире, созданном человеком). Большинство исследователей-юристов придерживается позиции, согласно которой цифровой мир — многообразие цифровых объектов в виде цифровых прав, цифровой валюты, цифровых финансовых активов, технологических продуктов (ИИ и технологий ИИ), информационных систем, цифровых платформ и пр. — это сфера идеального как противоположность материальному, поэтому удвоение гражданского оборота в виде параллельного существования не только в материальном, но и в идеальном мире требует иного регулирования отношений с виртуальными объектами. Отдельные авторы заговорили даже о сломе классических представлений и базовых постулатов в цивилистике, о необходимости тотальной трансформации правовых институтов, приводящей, по существу, к пересмотру основных положений нашей правовой системы. С такой логикой авторов сложно согласиться, поскольку ими допускаются с методологической точки зрения грубейшие ошибки, провоцирующие механизмы в праве.

Возникает вопрос: какие методологические ошибки стали допускать многие авторы, занимающиеся «цифровой» проблематикой? Известно, что методологические ошибки — это нарушения правил и исходных начал (принципов) в методологии научного познания, которые порождают неверные результаты исследования. Ошибкой в рассуждениях юристов стала терминологическая путаница в важнейших дихотомических и противоположных по своей сути понятиях «объективное — субъективное» и «материальное — идеальное». Первые два понятия с точки зрения методологического подхода раскрывают основное отличие объективного и субъективного в *онтологическом аспекте*, то есть они рассматриваются с точки зрения бытия, существования: объективная реальность, существующая вне и независимо от нашего сознания, есть антипод реальности субъективной как проявления сознания в виде ощущений, восприятий, чувственных образов, научных открытий, идей, взглядов, концепций и т.п. Онтологический аспект в анализе явлений и процессов не следует путать с *гносеологическим (познавательным) аспектом*, когда тот

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

⁵ См.: Вавилин Е. В. Проблемы защиты гражданских прав // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 1. С. 174–178.

или иной феномен объективной или субъективной реальности анализируется с точки зрения его природы: либо материальной сущности (вещественности, телесности объектов окружающего нас природного мира и овеществленного физического труда человека), либо ее противоположности — идеальной сущности, выраженной в информации в качестве сведений в различных видах знания (обыденного, научного, религиозного и др.) и его формах (различных способах хранения, представления и передачи знания).

Информацией (знанием, являющимся продуктом мыслительной деятельности человека) можно поделиться, если она интерпретирована посредством языка в той или иной объективной форме, доступной:

- для восприятия другими людьми;
- хранения, обработки, поиска и передачи ее третьим лицам.

В условиях цифровизации хранение, представление, обработка, поиск и передача информации осуществляются сложными компьютерными устройствами и техническими системами. В результате интерпретации информация становится данными, оформленными в том или ином виде. Для восприятия человеком эти формы могут быть визуальными (текст, картинки), звуковыми, вкусовыми, тактильными. Для технических устройств и их систем (компьютер, планшет, смартфон, плеер, сервер и пр.) формы иные, позволяющие воспринимать ее как поток цифр. Часто под формой интерпретации информации понимают и компьютерную, и машинную, и электронную, и цифровую информацию⁶.

Таким образом, субъективная реальность (в гносеологическом аспекте ее анализа) идеальна по своей природе, она недоступна другому человеку для восприятия и понимания без особого средства — материального по своей природе языка, с помощью которого происходит общение людей. Язык как знаковая система (система жестов, образов, букв, символов и т.п., а в условиях цифровизации — это система цифр) дает возможность осуществлять не только функцию общения между людьми, но и функцию хранения, представления и передачи информации как идеального по своей природе явления.

Следовательно, выход субъективного мира — мира образов, научных идей и концепций, результатов творческого интеллектуального труда вовне — в сферу объективного возможен только через выражение его в определенной материальной оболочке — через язык, то есть определенную знаковую систему, в том числе и цифровую. Значит, объективное — это не только физически воспринимаемый мир, существующий вне и независимо от нашего сознания, но и объективированная субъективная реальность, обретшая посредством языка в онтологическом смысле качество объективного, хотя по природе (в гносеологическом смысле) субъективная реальность является идеальным явлением. В философской методологии это единство объективного и субъективного, переход субъективного посредством языка в объективное выражается в базовом фундаментальном принципе *единства языка и мышления*.

Итак, новые объекты имущественного оборота (РИД: ИИ, технологии ИИ, а также созданные с помощью цифрового языка и особого криптографического кода такие цифровые объекты, как цифровая валюта, цифровой рубль, криптовалюта, цифровые финансовые активы) стали воплощаться в *цифровой форме, объективной по своей сути и представляющей собой способ структурирования идеального содержания с помощью буквенно-цифровых символов, то есть с помощью цифрового языка, являющегося, как отмечалось выше, исключительно материальным образованием, посредством которого и происходит взаимодействие субъектов в созданной человеком новой цифровой реальности, объективной по форме и существующей для всех нас и независимо от нас*. То есть цифровой объект в гносеологическом аспекте идеален, а в онтологическом — объективен.

Без знания философской методологии юристу разобраться в этом очень сложно, поэтому и происходит недопустимая терминологическая путаница в разграничении объективного и субъективного, материального и идеального и, как следствие, возникают непозволительные методологические ошибки, заключающиеся прежде всего в рассмотрении цифровой формы как формы идеальной, цифровых объектов

⁶ Подробнее об этом см.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 1 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. С. 29–33.

имущественного оборота как идеальных объектов и т.п.

Объясним это на примере феномена права. У юристов, как известно, не вызывает сомнений суждение о том, что право объективно, но оно идеально по своей природе, по своему происхождению. Оно как объективное явление (право в объективном смысле) существует в виде совокупности норм, созданных человеком и закрепленных в кодифицированных и некодифицированных нормативных актах на различных (материальных по своей сути) языках народов, населяющих нашу планету. Если бы язык был нематериален, то общения и тем более регулирования общественных отношений также не было бы. Никто же из юристов не отвергает эту азбучную истину! На методологическом уровне этот пример с правом показывает, как работает в правовой сфере единство объективного и субъективного: созданные в человеческом обществе правила поведения (субъективное) посредством правового языка (материального) воплощаются в объективной форме нормативных правовых актов. Таким образом, результаты юридического мышления в виде создаваемых правовых понятий и конструкций, например договоров, сделок, их классификаций и пр. (идеальное), благодаря специализированному языку (материальное), используемому для формулирования норм, регулирующих общественные отношения, воплощаются в объективной форме, становятся объективным правом (право в объективном смысле).

Приведем два примера наиболее распространенных и часто встречаемых в публикациях ошибок. Так, К. М. Мефодьева, признавая цифровые данные новым объектом гражданских прав, пишет о том, что «цифровые данные приобретают самостоятельную действительную или потенциальную коммерческую ценность вне привязки к их *материальному или электронному носителю*» (выделено нами. — Л. В.)⁷. Рассматривая признаки цифровых данных как объекта гражданских прав, автор в качестве первого и основного их признака выделяет «*нематериальную цифровую форму* —

программный код в числовом виде (выделено нами. — Л. В.)»⁸. Обратим внимание на две допускаемые ошибки. Первая ошибка: автор противопоставляет материальный носитель электронному, очевидно, считая его идеальным. Вторая неточность: автор указывает, что программный код в числовом виде является цифровой формой и эта цифровая форма нематериальна.

Приведенный пример не единичен. В вопросе объективации новых объектов гражданского оборота в виде особой объективной формы — цифровой формы (цифровые права, цифровые деньги и др.) в правовой литературе допускаются неточности и путаница. Например, А. В. Турбанов утверждает, что деньги имеют «материальную субстанцию (наличную форму) или идеальную (безналичную форму)»⁹ и объясняет это следующим образом: «Безналичные деньги в виде записей на банковских счетах клиентов не перестают быть безналичными, если электронная платежная система не требует наличия банковских счетов. *Эта особенность не означает, что появилась новая форма денег. Она как была идеальной (безналичной), так и осталась*» (выделено нами. — Л. В.), только появилась новая разновидность безналичных денег»¹⁰. С позицией уважаемого автора трудно согласиться. С гражданско-правовой точки зрения речь идет о безналичных денежных средствах («безналичные деньги» — экономическое понятие) как разновидности имущественных прав, обязательственных по своей правовой природе и существующих в виде записей на счетах. В условиях цифровизации банковской деятельности фиксация записей на счетах осуществляется не в бумажной, а в электронной (цифровой) форме, при этом вовсе не происходит смены материальной формы на идеальную, о чем пишет автор¹¹. Нетрудно заметить, что здесь смешивается онтологическая проблема субстанции денег (проблема их объективности или субъективности) с гносеологическим вопросом происхождения денег, их природы (вопрос материальности или идеальности денег по природе).

⁷ Мефодьева К. М. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 125.

⁸ Мефодьева К. М. Указ. соч. С. 129.

⁹ Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 73–90.

¹⁰ Турбанов А. В. Указ. соч. С. 73–90.

¹¹ Подробнее см.: Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему. С. 9–19.

Более того, объективная форма выражения идеального по природе объекта гражданского оборота (безналичных денежных средств) отождествляется с идеальной природой самого объекта. Форма как способ выражения содержания объекта, идеального по своей природе, не может быть идеальной. В противном случае замысел о цифровом рубле так бы и остался не реализованным, а цифровой рубль не смог бы стать объектом гражданского оборота, поскольку идеальный по природе объект в идеальной форме — это нонсенс, не воспринимаемое другими лицами некое аморфное проявление сознания, которую человек еще не выразил посредством языка в объективной форме, доступной для восприятия и понимания другими лицами. Не следует забывать о единстве языка и мышления как основном принципе методологии научного познания. Это во-первых.

Во-вторых, форма идеального по природе объекта всегда объективна и существует, как уже упомянуто, в многообразии объективных проявлений: визуальных (текст, картинки, рисунки), звуковых, вкусовых, тактильных и, наконец, в условиях цифровизации, в разнообразии цифровых форм. Только благодаря объективной форме идеальный по природе объект может восприниматься другими людьми. Следовательно, безналичные деньги существуют не в идеальной, а в объективной форме, выражаемой в виде записи (системы знаков) на банковских счетах, воспринимаемых субъектами.

На первый взгляд, акцентирование внимания на допускаемых авторами неточностях и ошибках, заключающихся в искажении сути трансформации идеального посредством материального (языка) в объективную форму, можно расценить как придирки, как неуместные замечания. Тем не менее понимание того, что цифровую среду, цифровой мир, цифровую форму нельзя рассматривать как нематериальные субстанции, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В условиях цифровой трансформации это важно прежде всего:

— для уточнения классификации цифровых объектов, их юридической квалификации и правового режима в целях недопущения правовых ошибок в виде смешения гражданско-правовых режимов объектов;

— разграничения таких понятий, как материальный носитель и объективная форма цифровых объектов (РИД) в целях конкретизации различных юридических действий, совершаемых

либо с материальными носителями РИД, либо с исключительными правами на РИД;

— выбора соответствующих средств гражданско-правовой охраны цифровых объектов и способов защиты прав на них.

Классификация цифровых объектов: видовые особенности в правовой характеристике

Идеальные объекты по своей природе, в том числе и цифровые, как правило, ассоциируются с результатами творческой деятельности. Классификация объектов интеллектуальной собственности по ГК РФ проведена на основании общеизвестного критерия — наличия творческой составляющей (творческого характера интеллектуального труда) при их создании. В соответствии с подходом законодателя классификацию цифровых объектов имущественного оборота, идеальных по своей природе и существующих в объективной форме, следует проводить также на основании данного критерия. Это обусловлено, как уже отмечалось, тем, что не все объекты умственной деятельности человека можно подвести под квалификацию РИД.

Среди них можно выделить группу цифровых объектов, которые созданы посредством криптографического кодирования, производимого с помощью современных прорывных компьютерных технологий, в частности ИИ, поэтому утверждать, что такие объекты, как цифровая валюта, цифровой рубль, цифровые финансовые активы, криптовалюта, являются результатом исключительно творческого интеллектуального труда человека, вряд ли допустимо, поскольку функции цифрового кодирования (перевода информации посредством машинного языка в объективную цифровую форму, удобную для ее передачи, обработки и хранения) и шифрования (защиты информации от вмешательства третьих лиц) реализуются главным образом с помощью ИИ — результата сложного программирования.

Таким образом, указанный выше подход позволяет классифицировать цифровые объекты на две группы с различными правовыми режимами:

- 1) цифровые объекты, не относящиеся к РИД;
- 2) цифровые объекты, подлежащие охране в качестве РИД.

Первая группа цифровых объектов относится к оборотоспособным объектам гражданского

оборота. В этой группе такие цифровые объекты, как цифровое право и цифровой рубль, включены в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Несмотря на то что их правовая квалификация определена законодателем, в доктрине до сих пор не умолкают споры по вопросам их юридической природы и способов устранения пробельности в регулировании отношений с новыми объектами гражданского оборота.

Например, в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ при определении цифрового права закреплено, что «осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу». Значит, если в законе говорится о распоряжении цифровым правом в информационной системе, то очевидно, что речь идет о юридических действиях с цифровым правом в информационной системе. Вместе с тем законодатель не дает ответа на ряд принципиальных вопросов, среди которых важно выделить следующие. В чем специфика этих юридических действий в отличие тех, что установлены законом для их совершения в реальной действительности? Как распознать, какие лица стоят за процессами идентификации, аутентификации и авторизации? Как решать вопрос о дееспособности лиц, участвующих в транзакции? Правил по совершению этих сделок с цифровыми правами законом не установлено. Как справедливо отмечает Е. В. Вавилин, «в рамках права отношения с использованием цифровых технологий также требуют разноотраслевого регулирования: гражданско-правовыми, уголовными, административными нормами. По сути, нормы о цифровых правах должны представлять собой структурированные включения в сложившуюся правовую систему, формирующие индивидуа-

лизированные (с учетом особенностей объектов и специфических правовых режимов) механизмы правового регулирования»¹².

Что касается рассмотрения цифрового права как субъективного гражданского права, то, несмотря на множество различных трактовок этого понятия в доктрине, подчеркнем: однозначно сказать, что цифровые права — это новый вид субъективных гражданских прав, нельзя. Новый вид прав должен обладать уникальным набором характеристик, отличающих его от известных субъективных прав. По мнению С. А. Сеницына, моделирование нового типа субъективных прав должно отвечать критериям индивидуальности, требует фиксации определяющих характеристик (свойств) права¹³, чего законодателем сделано не было.

Нами уже неоднократно высказывалась позиция по вопросу трактовки цифровых прав и их толкования. Полагаем, что цифровизация прав приводит не к возникновению нового вида имущественных прав, существующих наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а к использованию цифрового способа их фиксации¹⁴.

Если анализировать цифровой рубль, то он как безналичное денежное средство (ст. 128 ГК РФ) в цифровой форме выступает обязательственным правом и, вне сомнения, подпадает под гражданско-правовую квалификацию цифрового права, его разновидности (ст. 141.1 ГК РФ). Имеются в виду безналичные денежные средства — права требования, возникающие на основании договора об открытии и ведении цифрового кошелька и выступающие элементом содержания правоотношения между банком и клиентом — держателем цифрового кошелька по осуществлению денежных расчетов в безналичном порядке¹⁵.

Цифровой рубль и другие цифровые объекты имущественного оборота (цифровая валюта,

¹² Вавилин Е. В. NFT-токены: гражданско-правовой и процессуальный режимы // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 62–64.

¹³ См.: Сеницын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : ИЗиСП, 2017. С. 52.

¹⁴ Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование). Т. 1. С. 91–98 ; Василевская Л. Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. 2019. № 5. С. 3–14.

¹⁵ См.: Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему. С. 15, 16 ; Вавилин Е. В. Правовой режим цифрового рубля // Модернизация гражданского законодательства: правовой опыт и направления развития : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина, Л. Ю. Василевской. М. : Проспект, 2025. С. 58–65.

криптовалюта, цифровой финансовый актив) обладают одним общим свойством — существуют только в информационной системе на основе распределенного реестра и визуализируются в человекочитаемой форме в виде числа, фиксирующего количество определенных расчетных единиц, представляя собой цифровую запись (цифровой код), но они принципиально различаются между собой по правовой природе¹⁶ и особенностям введения в имущественный оборот.

В отличие от первой группы, которую образуют оборотоспособные цифровые объекты, во второй группе юридическое качество оборотоспособности присуще не самим объектам, а исключительным правам на цифровые объекты. Здесь следует выделить прежде всего ИИ и технологии ИИ. Как известно, в ст. 1225 ГК РФ предусмотрен закрытый перечень РИД, которым законодатель предоставил правовую охрану. В этом перечне отсутствуют такие объекты интеллектуальной собственности, как ИИ и его технологии, хотя если исходить из определения понятия ИИ, приведенного в пп. 2 ч. 1 ст. 2 Закона № 233-ФЗ¹⁷, то он как комплекс технологических решений, безусловно, должен относиться к РИД. Ранее нами обосновывалась позиция, согласно которой из указанного определения понятия ИИ вытекает вывод, что речь идет о сложном объекте гражданских прав — едином, неделимом объекте, в состав которого могут входить различные охраняемые РИД. Творческое соединение и использование различных по своей юридической природе объектов интеллектуальных прав в составе сложного объекта возможно только в их единстве, являющемся важным признаком любого сложного объекта, в том числе и ИИ¹⁸. В этой связи отметим, что предписания законодателя в ст. 1240

ГК РФ о закрытом перечне сложных объектов не учитывают динамики и изменчивости объектов оборота в условиях цифровой трансформации, в частности в решении правовой квалификации ИИ в качестве сложного объекта интеллектуальной собственности. Учитывая прикладную значимость ИИ, его, несомненно, необходимо либо включить в предусмотренный статьей 1225 ГК РФ перечень охраняемых РИД, либо подвести под соответствующую квалификацию объекта интеллектуальной собственности с определенным в разд. VII ГК РФ правовым режимом.

На наш взгляд, можно выделить по крайней мере следующие структурные элементы ИИ:

— программный продукт, программа как результат машинного творчества, который следует квалифицировать *в качестве программ для ЭВМ*;

— программное обеспечение компьютера как *совокупность программ*, позволяющих осуществить на компьютере автоматизированную обработку информации и создать необходимый программный продукт;

— алгоритмы и программное обеспечение в качестве *ноу-хау*;

— технические решения как *изобретения*;

— базы данных как *сложные* (п. 1 ст. 1240 ГК РФ) или *составные объекты* (п. 2 ст. 1260 ГК РФ) и др.

Набор перечисленных элементов в структуре сложного объекта может быть различным, очевидно только одно, как считают программисты, IT-специалисты: структурообразующим элементом ИИ являются программы для ЭВМ, без них не может быть ИИ¹⁹. Значение этого структурного инновационного объекта заключается в том, чтобы служить основой развития так называемых сквозных технологий — пер-

¹⁶ См.: Габов А. В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5. С. 55–65.

¹⁷ См.: Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”». С 1 сентября 2025 г. были внесены изменения в дату и номер Закона, ранее это был Закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ.

¹⁸ См.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» объектов (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 3 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. С. 74–75, 77–95.

¹⁹ Подробнее см.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» объектов (цивилистическое исследование). Т. 3. С. 77–80.

спективных технологий, радикально меняющих все сферы жизнедеятельности человека. Подразумеваются квантовые, производственные технологии, технологии беспроводной связи, виртуальной и дополненной реальности и др. Эту задачу не способен выполнить ни один объект, входящий в структуру ИИ.

Именно обозначенными обстоятельствами объясняется востребованность нового технологического продукта, а также включенность ИИ и его технологий в гражданский оборот. Поэтому проблема создания ИИ и перехода его к третьим лицам не может быть решена без надлежащего правового оформления посредством совершения определенных юридических действий, то есть установления правового режима ИИ и его технологий. При решении этого вопроса, как показывает практика, возникает немало концептуальных проблем. Например, в соответствии с п. 1 ст. 1240 ГК РФ право на сложный объект сводится к праву использования РИД, включенных в его состав, что вряд ли следует признать верным. Полагаем, что право на сложный объект не должно сводиться к праву использования отдельных элементов, поскольку ИИ как сложноструктурный объект обладает не только иной качественной определенностью, в отличие от РИД, входящих в его состав, но и целостностью с единым исключительным (имущественным) правом. Правовая неопределенность по вопросу квалификации ИИ в качестве объекта интеллектуальной собственности создает не только сложности в раскрытии содержания единого права на ИИ, но и затруднительность в легализации конструкции «доля в праве» — доли в исключительном праве на ИИ. Проблема доли в праве до сих пор не решена на законодательном уровне, хотя в создании ИИ, как правило, задействованы разные лица — правообладатели различных РИД (элементов структуры ИИ), с которыми организатор создания ИИ должен заключить соответствующий договор и приобрести, следуя логике

В. А. Дозорцева, право использования объекта в целом (право на сложный объект)²⁰.

Суть исключительного права на ИИ сводится к возможности правообладателя изменить юридическую судьбу этого права посредством совершения различных юридических действий, например путем отчуждения его третьему лицу либо путем его ограничения — предоставления другому лицу права использования и передачи исключительного права в залог²¹. Таким образом, контрагенты по договору могут предусмотреть различные способы распоряжения исключительным правом на ИИ: договор отчуждения права, лицензионный и сублицензионный договоры, договоры коммерческой концессии и доверительного управления исключительным правом на ИИ, включая и допускаемый переход исключительного права в порядке универсального правопреемства.

И все-таки на законодательном уровне до сих пор остается нерешенной проблема, касающаяся правовой квалификации ИИ и его гражданско-правового режима. В связи с этим возникает ряд вопросов. В чем специфика правового режима цифровых объектов, несомненно относящихся к РИД, но не включенных в перечень охраняемых объектов интеллектуальной собственности? Можно ли признать права на эти объекты исключительными? Если дать отрицательный ответ на последний вопрос, то что это за права и как они передаются третьим лицам?

Во избежание проблем с контрагентами по договору из-за правовой неопределенности квалификации его предмета неохранный результат умственного труда следует подводить под правовой режим документированной информации (документа). Такое предложение ранее было высказано Н. И. Соловяненко в отношении неохранных РИД в составе единой технологии²². Подход автора может быть применен к ИИ и технологиям ИИ до момента законодательного признания их в качестве охраняе-

²⁰ См.: Дозорцев В. А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. М. : Статут, 2005. С. 153, 154.

²¹ См.: Василевская Л. Ю. Особенности правовой конструкции залога по российскому и германскому законодательству // Хозяйство и право. 2003. № 6. С. 107–117 ; Она же. Особенности правовой конструкции залога обязательственных прав // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6. С. 90–98.

²² См.: Соловяненко Н. И. Особенности правового режима неохранных результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии // Colloquium-journal. 2020. № 16 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/osobennosti-pravovogo-rezhima-neohranyaemyh-rezultatov-intellektualnoy-deyatelnosti-v-sostave-edinoy-tehnologii.pdf> (дата обращения: 13.08.2025).

мых РИД. Реализация его на практике отвечает и нормативным предписаниям законодателя.

Прежде всего обратим внимание на определение документа в ст. 1 Федерального закона от 29.12.1994 № 77-ФЗ (ред. от 01.05.2022) «Об обязательном экземпляре документов»²³: «Документ — материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания (выделено нами. — Л. В.), который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать». Это означает, что документ, содержащий в определенной форме интеллектуальный продукт, может быть создан по различным гражданско-правовым договорам²⁴: договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ (§ 4 гл. 37 ГК РФ), по которому подрядчик (проектировщик) обязуется по заданию заказчика разработать техническую документацию на создание ИИ (ст. 758 ГК РФ); договору на выполнение научно-исследовательских работ (гл. 38 ГК РФ), по которому исполнитель обязуется провести обусловленные техническим заданием заказчика научные исследования в области ИИ (п. 1 ст. 769 ГК РФ); договору на выполнение опытно-конструкторских и технологических работ (гл. 38 ГК РФ), по которому исполнитель обязуется разработать образец нового изделия или новую технологию и (или) конструкторскую документацию на них (п. 1 ст. 769 ГК РФ). Эти научные результаты творческой деятельности передаются заказчиком по правилам соответствующих договоров, а не по предписаниям, предусмотренным для объектов интеллектуальной собственности. По указанным выше гражданско-правовым договорам передаются документы — материальные носители с зафиксированной на них в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, то есть материальные носители с результатом соответствующих работ по договорам.

В условиях цифровизации классические варианты создания РИД на бумажном носителе

кардинально изменяются: материальным носителем (вместо документа на бумаге), на котором IT-специалист разрабатывает ИИ, выступает компьютерное устройство, где с помощью машинного (цифрового) языка создается ИИ. Речь идет о работающем компьютере (либо системе компьютеров, связанных в «традиционную» сеть (Ethernet или Wi-Fi), либо кластере, либо искусственной нейронной сети), то есть на компьютере с выполняемой на нем специальной программой происходит сложное программирование, результатом которого выступает ИИ²⁵.

В соответствии с ч. 5 ст. 11 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²⁶ «право собственности и иные вещные права на материальные носители, содержащие документированную информацию, устанавливаются гражданским законодательством», а следовательно, переход вещных прав на документы осуществляется по иным правилам, нежели распоряжение исключительными правами на РИД. Это означает, что гражданско-правовая неопределенность квалификации ИИ, отсутствие в законе норм о режиме ИИ как охраняемого РИД дают возможность при совершении сделок с ИИ обходить договорное регулирование отношений с исключительными правами на РИД, сводя юридические действия с ИИ к механизму передачи информации по вещно-правовому режиму — к передаче вещей, включая и материальные носители ИИ.

Таким образом, ИИ передается посредством передачи его материального носителя по вещно-правовым правилам. О какой защите прав на ИИ здесь можно говорить? Эта пробельность в праве ловко и агрессивно используется мошенниками в цифровой среде. При этом в соответствии с ч. 3 ст. 6 указанного Закона обладатель информации вправе: использовать информацию, в том числе распространять ее по своему усмотрению; передавать информацию другим лицам по договору и пр. Нетрудно заметить, что в этом случае передается не ис-

²³ СЗ РФ. 1995. № 1. Ст. 1.

²⁴ Подробнее см.: Подузова Е. Б. «Искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в договорном праве: цивилистическая концепция : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023. С. 67–116.

²⁵ Подробнее см.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» объектов (цивилистическое исследование). Т. 3. С. 33–35.

²⁶ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

ключительное право, а сама информация как сведения независимо от формы их представления (ст. 2 Закона), поскольку именно она рассматривается как объект правовых отношений (ст. 5 Закона).

На наш взгляд, распространение установленного в Законе режима информации на ИИ несет в себе колоссальный заряд негативных последствий в виде мошенничества, невозможности обеспечения должной правовой охраны ИИ и защиты прав его правообладателей. Более того, это выгодно для крупного бизнеса, связанного с производством материальных носителей ИИ, поскольку юридическая судьба высоколиквидного и дорогостоящего продукта (ИИ) на материальном носителе фактически сведена к действиям титульного владельца самого материального носителя, действующего на практике по принципу: «это мое — что хочу, то и делаю». Это означает, что договорная практика при пробелах в праве, по сути, основана на отступлении, отходе от базовых положений цивилистики о различиях в механизме передачи вещей и прав, что находит отражение в масштабировании таких негативных процессов, как нарушение интеллектуальных прав на ИИ, мошенничество в различных его видах (несанкционированный доступ к персональным данным, захват учетных записей на электронных платформах, жульничество с возвратом платежей, фишинговые атаки, голосовые боты, поддельные веб-сайты и пр.).

Очевидно, цифровизация актуализирует проблематику правовой охраны РИД, в том числе и ИИ — нового цифрового объекта, агрессивно используемого преступниками в цифровой среде при отсутствии запретительного механизма передачи ИИ на материальном носителе без учета необходимости решения вопроса о правообладателе ИИ и его ответственности.

Эффект мультиплицирования цифровых объектов и его правовые последствия

В условиях цифровизации особенно остро встает проблема трансформации взаимосвязи идеального содержания, объективной формы и материального носителя цифровых объектов.

Имеется в виду трансформация, связанная с эффектом мультиплицирования объектов оборота, то есть многократное воспроизведение (тиражирование) цифровых объектов в выпускаемых товарах — материальных носителях, являющихся объектами вещных прав.

В соответствии с п. 1 ст. 1227 ГК РФ интеллектуальные права не зависят от права собственности на материальный носитель (вещь), в котором воплощены (выражены) соответствующие РИД. Однако в доктрине существует определенная путаница и смешение понятий материального носителя и формы идеального по содержанию объекта, в том числе и цифрового объекта.

Под материальным носителем РИД, по мнению В. П. Мозолина, «понимаются не какие-либо бесформенные материальные предметы, а материализованные целевым образом предметные образования (структуры), одухотворенные интеллектуальной деятельностью человека. Соответственно, материальный носитель не просто бумага для написания и опубликования литературного произведения, гипс для лепки скульптурного изображения, металл для изготовления созданного изобретателем устройства, а книга, скульптура, техническое устройство»²⁷.

М. А. Рожкова указывает на то, что «в большинстве случаев объективация предполагает именно материализацию — *воплощение нематериального объекта в материальном носителе (закрепление на материальном носителе — если речь идет, например, о товарном знаке)*. Так, литературное произведение может воплотиться (материализоваться) не только в виде рукописи, но и в виде машинописного документа; *программа для ЭВМ — в виде цифровой записи* (выделено нами. — Л. В.) на жестком диске компьютера или флеш-накопителе; изобретение — в виде чертежей, описания и формулы изобретения... Таким образом, рукопись является материальным носителем литературного произведения... флеш-накопитель — материальным носителем программы для ЭВМ, чертеж на ватманском листе — материальным носителем изобретения и т.д.»²⁸

Обратим внимание на фразу М. А. Рожковой о материальном носителе программы для

²⁷ Мозолин В. П. О концепции интеллектуальных прав // Современная доктрина и гражданское законодательство. М. : Юстицинформ, 2008. С. 73.

²⁸ Рожкова М. А. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права : монография // СПС «КонсультантПлюс».

ЭВМ (это цифровая запись). С точки зрения методологического подхода, рассмотренного нами ранее, вопрос касается не материального носителя (им является компьютерное устройство), а объективной формы цифрового продукта (программа для ЭВМ), созданного с помощью машинного языка. Среди авторов, анализирующих эту проблему, М. А. Рожкова, пожалуй, единственная, кто делает правильный вывод об объективности цифровой среды, поскольку, как отмечалось, для абсолютного большинства авторов цифровая среда, цифровая форма, цифровые объекты нематериальны в онтологическом смысле. Эта позиция ошибочна, поскольку о нематериальности цифровых объектов можно говорить только в гносеологическом аспекте их анализа.

Если говорить о предметах, предметных образованиях, «одухотворенных интеллектуальной деятельностью человека», то есть о единстве материального носителя и идеального по своей природе РИД (о чем красноречиво свидетельствует пример В. П. Мозолина со скульптурой), то материальный носитель РИД неотличим от формы выражения РИД. Подразумевается трансформация материального носителя в форму, например глины в скульптуру, холста в картину и пр. Единство материального (носителя) и объективного (формы РИД как идеального по природе объекта) благодаря творческой интеллектуальной деятельности приводит к одухотворению материального носителя, которое является одной из основных особенностей индивидуально определенных вещей, в отличие от вещей, определяемых родовыми признаками. Применительно к объектам патентного права В. П. Мозолин выделял такие материальные носители, как технические устройства, штаммы микроорганизмов, породы животных²⁹, являющиеся, по логике автора, в единстве с объективной формой результатом своего преобразования — одухотворения в результате творческого умственного труда человека.

Таким образом, чтобы программа для ЭВМ (п. 1 ст. 1259 ГК РФ) получила правовую охрану в качестве объекта интеллектуальной собственности, объекта авторского права, она должна быть объективирована, выражена в объективной форме, в противном случае она как идеальное по своей природе явление не может быть доступна для восприятия другими лицами.

Вместе с тем такой вывод (о совпадении материального носителя и объективной формы РИД) нельзя сделать применительно к цифровым продуктам, новым цифровым объектам имущественного оборота. В условиях цифровизации ситуация иная: для большинства цифровых объектов материальным носителем являются родовые вещи — различные технические устройства, которые находятся в постоянном массовом производстве для потребителя и в которые благодаря новым технологиям сохранения, копирования и передачи цифровых продуктов можно интегрировать, встроить новые РИД в цифровой форме. Это и позволяет говорить о заменяемости материального носителя при сохранении цифровой формы РИД и тиражировании самого РИД.

Об уникальности, «одухотворенности» материального носителя, о которой писал В. П. Мозолин, в условиях цифровизации говорить вряд ли допустимо, хотя, безусловно, можно изготовить по заказу клиента эксклюзивную вещь (материальный носитель) с уникальной идеальной интеллектуальной «начинкой», придав ей цифровую форму. Тем не менее цифровизация, активно обслуживающая общество потребления и рассчитанная на массового потребителя, ориентирована на масштабирование производства именно родовых вещей (заменяемых материальных носителей) — разнообразных по функциональному назначению технических средств и устройств, в которые встроены идеальные продукты (результаты интеллектуального творческого труда) в объективной цифровой форме.

На эту особенность (о заменяемости материального носителя) обращает внимание А. А. Иванов: «Сначала в вещи воплощалось произведение творчества, которое не имело цифрового измерения, например изменялись физические характеристики вещи (холст и краски превращались в картину, камень — в скульптуру, виниловая пластинка — в аудиозапись и т.д.). Потом на вещи накладывались машиночитаемые цифровые символы, неразрывно присоединяясь к ним (CD- и DVD-диски). Через некоторое время появились заменяемые материальные носители (флеш-карты), но без них всё равно произведение не могло существовать. Наконец, интеллектуальные права начали предлагаться в отношении произведений, находящихся в облаке, то есть *на чужих материальных носителях* (выделено нами. —

³⁰ См.: Мозолин В. П. Указ. соч. С. 73.

Л. В.), которые доступны одновременно многим лицам»³⁰.

Мультиплицирование цифровых объектов и закрепление объектов в цифровой форме на чужих материальных носителях не только означали разрыв связи «цифры» (цифрового объекта) и «железа» (материального носителя), но и повлекли за собой трансформацию правоотношений: юридическая формализация вещных прав в виде особых правил и их соблюдение в гражданском обороте не отвечали духу времени общества массового потребления в условиях развития экономики совместного потребления (sharing economy) и финансовым интересам крупных корпораций в условиях капитализации рынка. Поэтому одно из последствий цифровой трансформации — это лоббирование интересов крупного бизнеса, облаченное в позицию авторов об упрощении правовой регламентации прав, то есть характерном для англо-американского права смещении режимов вещных и обязательственных прав, что выразилось в предложении об установлении права собственности на цифровое имущество³¹. На наш взгляд, предложения авторов об уравнивании прав приобретателей аналоговых и цифровых продуктов и предоставлении последним дополнительных воз-

можностей, в частности переноса объектов на другой носитель³², следует считать преждевременными без проработки юридических механизмов правовой охраны цифровых объектов и защиты прав на них.

Заключение

Обозначение теоретико-методологических проблем квалификации новых цифровых объектов гражданского оборота, анализ их видовых особенностей на основе проведенной классификации объектов и рассмотренной специфики правового режима позволили выявить не только определенные тенденции развития имущественного оборота, связанного с эффектом мультиплицирования цифровых объектов в условиях трансформации, но и порожденные процессами цифровизации негативные правовые последствия. Поднятые вопросы о мультипликации цифровых объектов и заменяемости материальных носителей актуализируют проблему разработки и законодательного закрепления тех правовых конструкций, с помощью которых можно было бы устранить пробельность и сложности в регулировании отношений с цифровыми объектами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вавилин Е. В. NFT-токены: гражданско-правовой и процессуальный режимы // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 62–64.

Вавилин Е. В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 135–146.

Вавилин Е. В. Принцип сочетания частных и общественных интересов в законодательстве о цифровой валюте // Юрист. 2022. № 9. С. 54–57.

Вавилин Е. В. Проблемы защиты гражданских прав // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 1. С. 174–178.

Вавилин Е. В. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 147–158.

Вавилин Е. В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов // Проблемы гражданского процесса. 2021. № 6. С. 13–35.

Вавилин Е. В. Цифровой рубль: формирование механизма правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 201–206.

³⁰ Иванов А. А. Цифровизация и вещные права. Фрагмент из цикла лекций «Гражданское право и цифровизация» // Закон. 2023. № 7. С. 43–52.

³¹ См.: Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29; Он же. О гражданско-правовых проблемах цифровизации // Вестник гражданского права. 2025. № 1. С. 37–52.

³² Подробнее о предложениях в доктрине см.: Иванов А. А. Указ. соч. С. 43–52.

- Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // *Lex russica*. 2023. № 1. С. 9–19.
- Василевская Л. Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // *Хозяйство и право*. 2019. № 5. С. 3–14.
- Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 1 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. 288 с.
- Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» объектов (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 3 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. 288 с.
- Габов А. В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. № 5. С. 55–65.
- Дозорцев В. А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. М. : Статут, 2005. 416 с.
- Иванов А. А. Цифровизация и вещные права. Фрагмент из цикла лекций «Гражданское право и цифровизация» // *Закон*. 2023. № 7. С. 43–52.
- Модернизация гражданского законодательства: правовой опыт и направления развития : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина, Л. Ю. Василевской. М. : Проспект, 2025. 416 с.
- Мозолин В. П. О концепции интеллектуальных прав // *Современная доктрина и гражданское законодательство*. М. : Юстицинформ, 2008. 176 с.
- Подузова Е. Б. «Искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в договорном праве: цивилистическая концепция : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023. 336 с.
- Рожкова М. А. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права : монография. М. : Статут, 2018. 271 с.
- Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // *Вестник гражданского права*. 2021. № 6. С. 7–29.
- Суханов Е. А. О гражданско-правовых проблемах цифровизации // *Вестник гражданского права*. 2025. № 1. С. 37–52.
- Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. № 5. С. 73–90.

REFERENCES

- Dozortsev VA. Intellectual Property Rights: Concept, System, and Codification Challenges. Collection of articles. Private Law Research Centre. Moscow: Statut Publ.; 2005. (In Russ.).
- Gabov AV. A digital ruble of the central bank as a civil rights object. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2021;5:55-65. (In Russ.).
- Ivanov AA. Digitalization and property. Fragment of a lecture course «Civil Law and Digitalisation». *Zakon*. 2023;7:43-52. (In Russ.).
- Mozolin VP. The Concept of Intellectual Rights. In: Mozolin VP. The Modern Doctrine and Civil Legislation. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2008. (In Russ.).
- Poduzova EB. «Artificial Intelligence» and Artificial Intelligence Technologies in Contract Law: A Civil Law Concept. Vasilevskaya LYu, editor. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).
- Rozhkova MA. The Civil Law Concept of Intellectual Property in the Russian Legal System. Moscow: Statut Publ.; 2018. (In Russ.).
- Sukhanov EA. On civil law issues of digitalisation. *Civil Law Review*. 2025;1:37-52. (In Russ.).
- Sukhanov EA. On the civil legal nature of «digital property». *Civil Law Review*. 2021;6:7-29. (In Russ.).
- Turbanov AV. A digital ruble as a new form of money. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;5:73-90. (In Russ.).
- Vasilevskaya LYu, Poduzova EB, Tasalov FA. Digitalization of Civil Turnover: Problems and Development Trends (Civil Law Study). In 5 vols. Vol. I. Vasilevskaya LYu, editor. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
- Vasilevskaya LYu, Poduzova EB, Tasalov FA. Digitalization of Civil Turnover: Problems and Development Trends (Civil Law Study). In 5 vols. Vol. III. Vasilevskaya LYu, editor. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
- Vasilevskaya LYu. A digital ruble: a civilist's view of the problem. *Lex Russica*. 2023;1:9-19. (In Russ.).

Vasilevskaya LYu. Digital Rights as a New Object of Civil Rights: Problems of Legal Qualification. *Business and Law*. 2019;5:3-14. (In Russ.).

Vavilin EV, Vasilevskaya LYu (eds.). Modernization of Civil Legislation: Legal Experience and Development Trends. Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.).

Vavilin EV. Artificial intelligence as a participant in civil relations: the transformation of law. *Tomsk State University Journal of Law*. 2021;42:135-146. (In Russ.).

Vavilin EV. Digital ruble: formation of the mechanism of legal regulation. *Tomsk State University Journal of Law*. 2023;489:201-206. (In Russ.).

Vavilin EV. NFT tokens: civil and procedural regime. *Herald of Civil Procedure*. 2023;1:62-64. (In Russ.).

Vavilin EV. Problemy zashchity grazhdanskikh prav. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 2009;1:174-178. (In Russ.).

Vavilin EV. The principle of combination of private and public interests in laws on the digital currency. *Yurist*. 2022;9:54-57. (In Russ.).

Vavilin EV. The status of artificial intelligence: from object to the subject of legal relations. *Tomsk State University Journal of Law*. 2022;45:147-158. (In Russ.).

Vavilin EV. Transformation of Civil-Law and Procedural Relations through the Use of Artificial Intelligence: Formation of New Legal Regimes. *Problemy grazhdanskogo protsesssa*. 2021;6:13-35. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Василевская Людмила Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва 125993, Российская Федерация

liudmila.vasilevskaya@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila Yu. Vasilevskaya, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

liudmila.vasilevskaya@gmail.com

Материал поступил в редакцию 17 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 августа 2025 г.

Принята к печати 15 августа 2025 г.

Received 17.11.2024.

Revised 13.08.2025.

Accepted 15.08.2025.